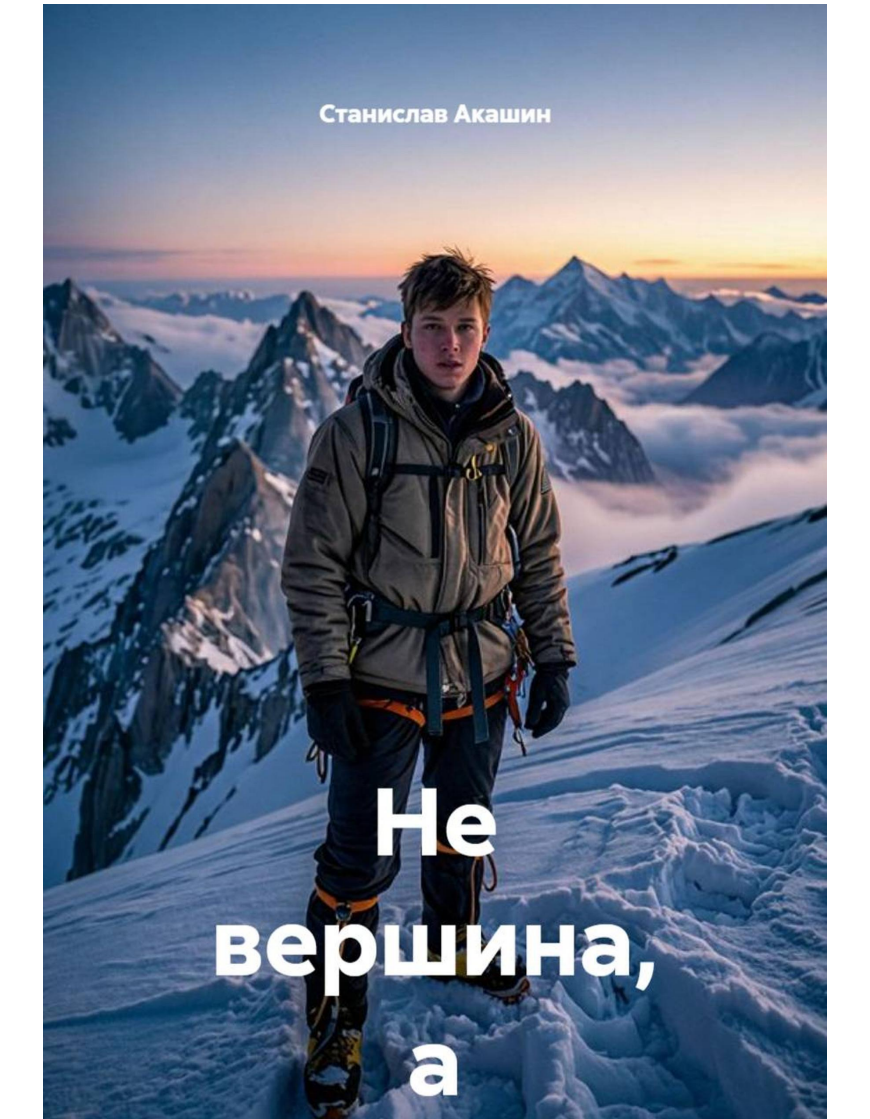

Станислав Акашин

Не
вершина,
а

Станислав Акашин

Не вершина, а путь

<https://litres.ru/74684027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к повести «Не вершина, а путь»

Это история не о покорении горы, а о покорении себя. Молодой Артём отправляется на штурм Эльбруса, ведомый мечтой отца и собственным желанием наконец перестать бояться сложных решений.

Штурм оборачивается испытанием: из-за резкого ухудшения погоды Руслан принимает тяжёлое, но единственно верное решение — развернуть группу.

Разочарование от того, что вершина осталась непокорённой, постепенно сменяется тихой гордостью: главная победа — в том, что все вернулись живыми и никого не потеряли. Артём осознаёт: настоящая высота измеряется не метрами над уровнем моря, а способностью вовремя остановиться, заметить чужую слабость и не бросить своих.

Повесть рассказывает о взрослении через испытание, о том, как команда становится семьёй, а неудача — ступенью к будущей победе. Это история о том, что иногда самое смелое решение — не идти вперёд любой ценой, а честно сказать: «Я пока не готов» — и сделать всё, чтобы однажды быть готовым по-настоящему.

Станислав Акашин

Не вершина, а путь

Глава 1. «Билет в горы»

Артём нажал «Оплатить» и тут же почувствовал, как внутри всё сжалось. На экране загорелось: «Транзакция успешна». Он ещё секунду посидел, уставившись на подтверждение брони авиабилета до Минеральных Вод, будто надеялся, что цифры сами собой откатятся назад.

— Ну всё. Обратной дороги нет, — пробормотал он и тут же усмехнулся собственной пафосности.

В рюкзаке, который он с трудом застегнул, лежало то, что казалось главным снаряжением: распечатанный список из интернета (набранный мелким шрифтом, будто от этого он становился серьёзнее), термос, перчатки, которые почему-то оказались разных цветов, и самое главное — старое фото отца. На снимке отец стоял у подножия Эльбруса, в куртке с меховым воротником, улыбался так, будто гора была не вызовом, а старым приятелем. Артём не помнил, когда именно была сделана эта фотография. Помнил только, что отец часто говорил: «Когда-нибудь мы туда поднимемся вместе». «Когда-нибудь» так и не наступило.

Аэропорт встретил Артёма гулом объявлений и запахом кофе, который сейчас казался неуместным — будто он должен был пахнуть снегом и ветром. Он шёл по терминалу,

чувствуя себя слишком городским: кроссовки не для гор, рюкзак собран как будто для пикника, а не для восхождения.

И тут он врезался в кого-то плечом. Рюкзак дёрнулся, из бокового кармана чуть не выпал телефон.

— Ой, прости...

Перед ним стояла девушка с таким огромным рюкзаком, что он казался почти больше её самой. Она посмотрела на него спокойно, но в этом взгляде читалось: «Я вижу тебя насквозь».

— Ты на Эльбрус? — спросила она, чуть приподняв бровь.

Артём кивнул, потом, будто оправдываясь, добавил:

— В первый раз. Ну, то есть, я читал статьи... и смотрел пару видео.

Девушка хмыкнула, но без злобы.

— Значит, ты тот самый новичок из чата тура. Артём, да? Я Кира. Если будешь срезать путь по склону, я тебя остановлю. Договорились?

Он снова кивнул, на этот раз уже не от растерянности, а от облегчения: рядом оказался кто-то, кто знает, что делать.

Они вышли к стоянке, где должен был ждать трансфер. Но машины не было. Вместо неё у обочины стоял парень с чемоданом и видом человека, который уже смирился с тем, что его забыли.

— Макс, — представился он, махнув рукой, будто отгоняя досаду. — Опоздал на пять минут, а они уехали. Сказали:

«Доезжай сам». Ну, я и стою.

Кира вздохнула, но не раздражённо, а как человек, привыкший, что в горах всё идёт не по плану.

— Садимся в такси. И молимся, чтобы серпантин не перекрыли.

Дорога до Терскола была как проверка на прочность ещё до начала маршрута. Узкая лента асфальта вилась между скал, а за каждым поворотом открывался вид такой силы, что хотелось одновременно смеяться и молчать. Горы не притворялись дружелюбными. Они просто были — огромные, спокойные и равнодушные к человеческим планам.

Макс болтал без умолку, пытаясь скрыть волнение:

— Слушай, а правда, что там, наверху, вода кипит при девяноста градусах? То есть, теоретически, можно сварить яйцо прямо на склоне?

Кира закатила глаза, но Артём улыбнулся. В этом нелепом вопросе было что-то правильное: попытка приручить неизвестность через бытовые детали.

Когда они наконец въехали в Терскол, солнце уже садилось, и вершины окрасились в розовый. У альплагеря их встретил мужчина в простой, но явно проверенной годами экипировке. Он не улыбался, но и не хмурился — просто смотрел так, будто уже знал, кто из них выдержит, а кто попросит спуститься через два дня.

— Руслан, — коротко представился он. — Завтра акклиматизация. Сегодня — спать. Горы не любят спешки.

Он не стал спрашивать, кто тут опытный, а кто впервые видит настоящие скалы. Ему было неважно. Завтра он сам всё увидит.

Артём поставил рюкзак на землю и впервые за день выдохнул. Рядом шумел ручей, пахло хвоей и дымом из печной трубы. И где-то очень высоко, почти растворяясь в сумерках, белел Эльбрус.

«Я здесь», — подумал Артём. И впервые это не казалось ошибкой.

Глава 2. «Тропа, которая проверяет»

Утро в алыплагере пахло дымом, мокрым камнем и кофе, который Руслан варил так, будто от его крепости зависела безопасность всей группы. Артём проснулся с ощущением, что вчерашний день был сном, а сегодня придётся доказывать, что он не случайно здесь.

— Кошки наденешь здесь, на ровной площадке, — коротко сказал Руслан, раскладывая снаряжение на брезенте. — Сначала покажу, как ставить зубья. Тут не про скорость, тут про точность.

Артём взял кошки и почувствовал себя ребёнком, который впервые пытается застегнуть ботинки сам. Металл казался тяжёлым, неудобным, а зубья — опасно острыми.

— Не бойся их, — спокойно сказала Кира, уже собранная и собранная до мелочей: перчатки надеты, лямки рюкзака подтянуты, взгляд направлен туда, куда они пойдут. —

Они не враги. Они просто говорят: «Теперь тут нельзя быть неуклюжим».

Макс, пытаясь скрыть волнение, выдал привычную порцию шуток:

— Я вот думаю: если я упаду, можно считать, что я практикую скольжение, а не падение? Типа, это такой стиль альпинизма: «скользящий новичок».

Руслан хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то вроде одобрения: Макс хотя бы не молчит от страха.

Кошки наконец встали на ботинки. Артём сделал первый шаг — и тут же чуть не потерял равновесие: непривычный вес тянул носки вниз, жёсткие ботинки не давали нормально сгибать стопу.

— Шаг короче, колени мягче, — подсказал Руслан. — Представь, что идёшь по очень хрупкому льду, который ты не видишь.

Тропа начиналась полого, но быстро становилась серьезнее: камни, корни, местами — мелкая осыпь, которая предательски уходила из-под ног. Руслан шёл первым, показывая, куда ставить ногу: не на край камня, не на рыхлый песок, а на плоскую, «мёртвую» поверхность, которая не сдвинется.

— Слушай склон, — говорил он, останавливаясь и прислушиваясь. — Вот тут слышно, как мелкие камешки шуршат. Это значит, что осыпь живая. Здесь не режем угол.

Артём старался не отставать. Каждый шаг теперь был не просто шагом, а маленьким решением: куда поставить ногу,

насколько сильно опереться, не потянуть ли руку для баланса. И в этом была странная радость — будто он наконец делает что-то настоящее, где нельзя притворяться.

Дальше тропа пошла вдоль скал, и открылся вид на водопад: вода падала с высоты, разбиваясь на брызги, которые тут же подхватывал ветер и разносил по склону. Макс замер, глядя на поток с таким восторгом, будто это был не водопад, а чудо света.

— Ну вот, теперь я понимаю, зачем люди лезут в горы, — выдохнул он. — Ради вот этого.

Кира молча кивнула, но в её взгляде читалось: «Радость — это хорошо. Но не забывай смотреть под ноги».

Они поднялись примерно до 3 200 м. Здесь воздух стал тоньше, шаги — тяжелее, а тишина — громче. Даже шум водопада звучал иначе: глубже, объёмнее, будто горы усиливали каждый звук.

Руслан остановился у выступа, откуда открывался вид на долину.

— Отсюда видно, где может сойти осыпь, — он указал на светлые полосы на тёмном склоне. — Это следы старых сходов. Если видишь такую дорожку — туда не идём. Склон «дышит»: днём греется, ночью остывает, камни ползут. Мы не хотим быть внизу, когда он решит выдохнуть.

Артём посмотрел туда, куда показывал Руслан, и впервые увидел не просто красивый пейзаж, а карту опасностей. Горы перестали быть картинкой — они стали задачей, которую

нужно читать.

И тут небо потемнело. Сначала это выглядело как обычная тучка, но через несколько минут по лицам ударили первые ледяные капли. Потом пошёл мелкий град — не сильный, но резкий, будто кто-то сыпал сверху крошечные камешки. Видимость упала: скалы растворились в серой дымке, тропа стала скользкой.

Макс тут же перестал шутить.

— Это уже не «лёгкий дождик», да? — спросил он, натягивая капюшон.

Голос Руслана стал жёстче, но не паническим — в нём появилась та самая командная сталь, которая заставляет слушаться без споров:

— Темп ниже. Дистанция два метра. Смотрим под ноги, не по сторонам. Если камень катится — кричим «Камень!» и прижимаемся к скале.

Они пошли дальше, но теперь каждый шаг был предельно собранным. Артём чувствовал, как холод пробирается под куртку, как мокрые перчатки становятся тяжёлыми, как дыхание становится короче. Но вместе с усталостью приходило и другое чувство — сосредоточенность, почти звенящая ясность: сейчас есть только тропа, шаг, точка опоры. Всё остальное не важно.

На одном участке осыпь пошла вниз — тихо, почти незаметно, но достаточно, чтобы камни покатались по склону, щёлкая по камням.

— Встать! Прижаться! — скомандовал Руслан.

Все замерли, прижавшись к скале, пока мелкая лавина из камней и гальки пронеслась мимо, оставляя после себя запах пыли и сырости. Когда всё стихло, Руслан спокойно сказал:

— Теперь идём дальше. Но ещё медленнее.

Обратный путь был тяжелее: ноги гудели, ботинки казались свинцовыми, а каждый скользкий камень — испытанием. Но теперь в группе появилось что-то новое: они начали замечать опасности раньше, предупреждать друг друга, помогать без лишних слов.

Когда до лагеря оставалось совсем немного, Макс тихо сказал:

— Знаете, я думал, что приключение — это когда ты стоишь на вершине и машешь флагом. А оказалось, приключение — это когда ты не упал на скользком камне, и тебя вовремя кто-то подстраховал.

Кира чуть улыбнулась:

— Вот теперь ты говоришь как альпинист.

В лагерь они вернулись промокшие, уставшие, с облепленными грязью ботинками и лицом, исцарапанным ледяными брызгами. Но в глазах у всех было что-то общее — усталость, в которой пряталась гордость.

Руслан снял перчатки и посмотрел на каждого по очереди:

— Сегодня вы не покорили гору. Но вы научились её слушать. А это важнее.

Артём сел на лавку у входа, снял ботинки и почувствовал,

как гудят ноги. Он не мог сказать, что ему было легко. Но он мог сказать, что это было правильно. И где-то глубоко внутри шевельнулось новое чувство: он справляется.

Глава 3. «Ледник шепчет опасности»

Утро выдалось обманчиво ясным. Солнце резало глаза, отражаясь от снега, и казалось, что ледник — это просто огромная белая дорога, по которой можно спокойно пройти. Но Руслан смотрел на этот блеск без восторга.

— Здесь красиво, когда тихо, — произнёс он, затягивая узел на страховочной системе Артёма. — А тишина на льду — не про покой. Она про то, что ты ничего не слышишь, пока не станет поздно.

Они встали в связку: Руслан впереди, за ним Кира, потом Артём, замыкающим — Макс. Между ними ровно столько верёвки, чтобы при срыве успеть среагировать, но не запутаться. Артём чувствовал, как натяжение верёвки связывает их не только физически, но и по-другому — как обещание: если кто-то оступится, остальные удержат.

Руслан взял ледоруб и показал, как проверять склон.

— Не бей сильно, — говорил он, вгоняя остриё в снег с коротким, точным движением. — Нам не нужна яма. Нам нужен ответ: держит ли снег? Если ледоруб проваливается по рукоять — значит, под тонкой коркой пустота. И эта пустота может быть трещиной.

Артём повторил движение. Лезвие вошло легко, почти без

сопротивления. Он замер, глядя, как снег осыпается вокруг древка.

— Ещё раз, — спокойно сказал Руслан. — И ещё. Пока не почувствуешь разницу между «держит» и «обманывает».

Дальше тропа исчезла. Вместо неё был ровный, слепящий склон, пересечённый едва заметными линиями — швами, которые могли быть чем угодно: тенями, складками, а могли быть краями трещин, прикрытых снежной коркой. Руслан шёл медленно, каждый шаг проверяя ледорубом. За ним тянулись остальные, стараясь ставить ноги ровно в его следы.

Макс пытался шутить, но голос звучал натянуто:

— Знаете, я тут подумал: если провалишься, то хотя бы не надо будет спускаться обратно. Экономия сил.

Кира не улыбнулась, но и не оборвала его. Она знала: страх лучше выпускать словами, чем держать внутри, где он делает руки и ноги ватными.

Они пересекли участок, где снег лежал плотным, но подозрительно ровным слоем. Руслан остановился, прислушался — будто пытался услышать то, что скрыто под ногами.

— Тут тонкий мостик, — тихо сказал он. — Держим темп. Не торопимся.

И они пошли дальше, шаг за шагом, по этому невидимому мосту, который казался надёжным, потому что держал их вес.

А потом раздался тихий, почти деликатный треск — как будто кто-то осторожно надломил тонкую ледяную пласти-

ну.

Снежный мостик, по которому они только что прошли, провалился. Сначала по краям, потом середина ушла вниз, открывая чёрную пасть трещины. Артём обернулся как раз в тот момент, когда снег осыпался, обнажая глубину, в которую можно было просто шагнуть и исчезнуть.

Все замерли. Даже ветер, казалось, на секунду перестал дуть. В этой тишине звук падающего снега звучал оглушающе.

— Назад по своим следам, — голос Руслана был ровным, без крика, но в нём была та самая сталь, которая не оставляет места для сомнений. — Шаг в шаг. Не смотрим в трещину. Смотрим только на след перед собой.

Артём почувствовал, как сердце колотится где-то в горле, перекрывая дыхание. Он хотел сделать широкий шаг, чтобы быстрее уйти от края, но вспомнил слова Руслана: «Не торопись. Торопливость на льду убивает». И он пошёл, копируя каждый след, чувствуя, как под подошвой хрустит снег, и молясь, чтобы он держал.

Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Когда они отошли на безопасное расстояние, Руслан не стал устраивать разбор полётов. Он просто сказал:

— Теперь вы знаете: ледник не кричит. Он шепчет. И если не слушать шёпот, однажды он заговорит громко.

На привале, когда дыхание немного выровнялось, а руки перестали дрожать, Руслан достал термос и разлил горячий

чай в кружки. Никто не спешил пить. Все сидели, глядя на ледник, который теперь казался не просто белым пространством, а живым, внимательным существом.

— Я однажды видел лавину, — тихо начал Руслан, глядя не на них, а куда-то вдаль, туда, где небо сливалось с горами. — Она сошла там, где никто не ждал. И самое страшное — она не шумела. Совсем. Только лёгкий шелест, как будто ветер перебирает сухие листья. А потом стена снега просто закрыла всё. Мы успели уйти, потому что кто-то услышал этот шелест. Не грохот. Не рёв. А именно шёпот.

Он сделал глоток и посмотрел на каждого:

— В горах опасность не всегда приходит с фанфарами. Иногда она приходит тихо. И тот, кто умеет слышать тишину, — тот остаётся жив.

Макс больше не шутил. Он сидел, сжав кружку обеими руками, и смотрел на свои ботинки, будто впервые видел, из чего они сделаны. Кира молча проверяла узлы на верёвке, проводя пальцами по каждому переплетению. Артём достал из кармана старое фото отца, посмотрел на него и убрал обратно. Теперь он понимал: отец улыбался не потому, что гора была лёгкой. Он улыбался, потому что знал, с чем имеет дело, и не боялся уважать её силу.

Обратный путь был медленнее, чем подъём. Они шли, прислушиваясь к склону, проверяя каждый участок ледорубом, останавливаясь там, где снег казался слишком ровным, слишком гладким, слишком подозрительным. И каждый раз,

когда лёд издавал тихий хруст, все замирали, а потом продолжали идти — уже с другим чувством, с той собранностью, которая приходит только после того, как ты увидел, насколько близко может подойти опасность.

В лагерь они вернулись не с чувством победы, а с чувством, что прошли испытание, о котором даже не знали, что оно будет. Усталость была другой — не просто физической, а той, что приходит, когда ты долго держал себя в напряжении и только теперь позволил себе выдохнуть.

Руслан снял кошки и посмотрел на команду:

— Сегодня вы не поднялись выше. Но вы научились видеть то, чего не видно. Это и есть альпинизм.

Артём сел на скамейку, закрыл глаза и вдохнул холодный, чистый воздух. Он не чувствовал себя героем. Но он чувствовал себя частью чего-то большего — команды, гор, этого сурового, прекрасного мира, который не прощает ошибок, но щедро вознаграждает тех, кто готов слушать.

Глава 4. «Высота бьёт по голове»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.